ванием для его выделения служит целый комплекс взаимодействующих разнотипных посессивных конструкций, форма родительного падежа в одном из ее значений, сочетания прилагательных с существительными и т. п. Взаимодействие этих средств выявляется, в частности, в возможности отношений синонимии при общности определенного смыслового инварианта и тонких различиях в языковых значениях (ср.: *У него есть дом* и *Он имеет дом*; *дом отца* и *отцовский дом* и т. п.).

По-видимому, можно говорить о поле субъектно-объектных отношений (субъектности/объектности), конституируемом различными средствами выражения субъекта и объекта, связанными прежде всего с грамматической категорией падежа, но вместе с тем выходящими далеко за рамки этой категории. Данное поле перекрещивается с полями залоговости, персональности, а также с полем одушевленности/неодушевленности.

Целый ряд ФСП — таких, как каузальность (причинность), финальность (поле цели), кондициональность (условность), уступительность, поле следствия, поле сравнения,— выделяется прежде всего на базе группировки сложноподчиненных предложений обстоятельственного типа; вместе с тем аналогичная семантика выражается и средствами простого предложения, на этой базе возникает взаимодействие, проявляющееся в сочетании тех и других средств, в синонимии (при различиях в оттенках языкового содержания).

В области детерминации (определенности/неопределенности) «грамматическими вехами» являются такие разрозненные грамматические средства, как неопределенные местоимения, порядок слов, сочетания с формами вин. или род. пад. и т. п. В целом по отношению к данной семантической сфере — слабо центрированной или нецентрированной — необходимо специальное исследование для того, чтобы установить, действительно ли в данном случае можно говорить о поле. Может быть, различия между упомянутыми типами единств целесообразно отразить в терминологии, но пока мы оставляем за ними общий термин ФСП.

Рассматриваемые поля—это единства разных планов, уровней и рангов. Некоторые из них (в частности, модальность и залоговость) по существу представляют собой комплексы более частных функционально-семантических единств. С другой стороны, некоторые явления, истолкованные выше как ФСП, вероятно, могли бы рассматриваться и как более частные категории (например, не исключена возможность рассмотрения одушевленности/неодушевленности, а также различия лица/не-лица и различия в отнесенности к полу как частных категорий, охватываемых полем субъектности/объектности).

Во всех случаях основанием для выделения ФСП является взаимодействие грамматической категории, формы, конструкции, грамматического или лексико-грамматического класса слов с другими единицами (включая единицы лексики и контекста) на базе общности семантики — при наличии некоторого семантического инварианта в значениях языковых средств, относящихся к данному полю.

Далеко не каждая группировка семантических элементов или отдельный семантический элемент может рассматриваться как ФСП. Для выделения ФСП необходимо наличие в данном языке определенной группировки грамматических, лексико-грамматических, словообразовательных и лексических средств, действительно взаимодействующих в системе языка и в речи и действительно образующих особого рода семантико-функциональные системы, относящиеся (по крайней мере по их ядерным компонентам) к грамматическому строю языка. Если такого взаимодействия и такой системы нет, то нет оснований (для данного языка) говорить и о ФСП. В некоторых случаях наличие или отсутствие «статуса ФСП» требует специального исследования. Ср. например, такие семантические элементы, как состояние, экзистенциальность (бытийность), отношение (реляционность), каузативность и т. п.